

К. Н.
ЛЕОНТЬЕВ

Сочинения

Константин Николаевич Леонтьев

Наше болгаробесие

«...У болгар нет святых мест, нет древних церковных средоточий, нет великих неподвижных звезд Православия, разливающих свой свет повсюду, даже и в наше печальное время жалких прогрессивных надежд и устарелых европейских мечтаний.

Что думать о народе, который возрождение свое начал прямо с борьбы против той церковной иерархии, правила и дух которой легли в основу его жизни, уставы и обычаи которой сохранили его в течение веков под гнетом иноверной власти?

Не успокаивайте себя тем, что этот болгарин в бараньей шапке и коричневых толстых шароварах первобытен и прост: чем грубее и проще в наше время народ, тем легче лукавым и неверующим вождям увлечь его куда угодно...»

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0016

**Константин Николаевич
Леонтьев
Наше болгаробесие^{1}**

Я вздохнул свободнее в деревенском уединении своем, прочитав первый номер Вашей газеты.

Наконец я услышал речь прямую и правдивую! Наконец-то нашлись и в изолгавшейся Отчизне нашей люди, дерзающие *говорить правду* о болгарях и вывести их из того привилегированного и даже им самим вредного положения, в которое поставил их наш либерализм. Кого, в самом деле, мы не судим, кого не порицаем, кого не осуждаем, кого не корим? Европейцев, при всем подобострастии нашем перед Западом, мы все-таки решаемся судить. Мы даже громим их беспощадно *тогда, когда они, весьма естественно соблюдая свои государственные выгоды, противодействуют нам*. Азиатцев мы в «просвещенной» печати нашей разрываем на части и считаем долгом называть их беспрестанно «варварами» (этим главным образом доказывается, что и «мы европейцы» и что нет и не будет другой цивилизации, кроме прогрессивно-разрушительной *новоевропейской*). Мы позволяем себе из-

редка порицать даже чехов, сербов и хорватов; греки у нас давно уже известны под бранным прозвищем *фанариотов*: «они суть льстивы до сего дня». Самих себя, Россию, власти, наши гражданские порядки, наши нравы мы (со времен Гоголя) неумолкаемо и омерзительно браним. Мы разучились хвалить; мы превзошли всех в желчном и болезненном самоуничижении, не имеющем ничего, заметим, общего с христианским смирением. Только одни болгары у нас всегда правы, всегда угнетены, всегда несчастны, всегда кротки и милы, всегда жертвы и никогда не притеснители.

Раздавались немногие серьезные голоса и против них, но их тотчас же заглушал громкий вой всероссийского свободолюбия. Пыталась самобытная мысль углубиться подалее в сущность восточных дел, но эта живая мысль, опережающая события, была подавлена презрительным равнодушием. На людей, позволявших себе, по поводу Восточного вопроса, говорить и печатать вещи несообразные с *модой* (эту моду зовут иные *здравый смысл*), смотрели как на пустых оригиналов

или звали их представителями *казенного православия*. Все болгарские интересы считались почему-то *прямо русскими интересами*; все враги болгар – нашими врагами.

Когда станешь думать обо всем этом, о непостижимых заблуждениях наших, о легкомысленном отношении влиятельных и практических людей, например, к церковному греко-болгарскому вопросу, о преднамеренном искажении истины одними (знающими), о нахальной либеральности других, не постигающих такой простой, такой, скажу, грубой политической аксиомы, именно – что самый жестокий и даже порочный, по личному характеру своему, православный епископ, *какого бы он ни был племени*, хотя бы крещеный монгол, должен быть нам дороже двадцати славянских демагогов и прогрессистов... когда поймешь, что и Россия, и все славянство без изъятия уже переступили за роковую черту, за которой *дальнейший* европейский прогресс перестает быть залогом *развития*, а становится лишь средством *разрушения и гибели*... когда, говорю, подумать обо всем этом, – станет и страшно и скучно... Страшно станет

потому, что увидишь за всем этим нечто *фатальное*, нечто мистическое, если хотите... какое-то проклятие... Скучно станет потому, что скажешь себе: «Сделать ничего нельзя. Не то думают люди прямого влияния, что думаем мы с единомышленниками...». *Хорошо быть гласом вопиющего в пустыне⁽²⁾*, когда *впереди ждешь кого-нибудь такого, кто будет понимать дело еще лучше нас, кто будет прямее и сильнее нас и на нашем же пути влиятельнее*. Но когда видишь, что все идет *налево и налево* и люди не видят этого, когда видишь, например, ничтожество бельгийской буржуазной конституции в самой отсталой и самой патриархальной из освобожденных нами славянских стран, когда видишь, что пастушеский и первобытный болгарский народ предан в руки адвокатов, торговцев европейского стиля и самолюбивых учителей, вчера еще босоногих оборванцев и реалистов; когда слышишь или хотя бы подозреваешь, что какой-нибудь Каравелов-прогрессист (вероятно, что-нибудь беспокойное и наглое вроде Гамбетты) берет верх в делах, разве не станет скучно?

Разве не станет тяжело, когда прочтешь такие телеграммы: «*Тырново, 21 марта.* Болгарское народное собрание под председательством Каравелова отвергло проект учреждения сената и, по предложению доктора Малова, внесло в конституцию безусловное право сходов без предварительного разрешения полиции. Умеренная партия подверглась сильным нападкам крайних. *Тырново, 28 марта.* Вчера народное собрание внесло в конституцию статью о *полной свободе совести с правом переходить в другую веру и о полной свободе печати.* По предложению Каравелова, собрание отвергло просьбу епископов, чтобы православные церковно-служебные книги и прочие религиозные издания, предназначенные для употребления в церквях и школах, подвергались духовной цензуре. По поводу вчерашних постановлений народного собрания экзарх, все епископы и предводители умеренной партии заявили сегодня протест и удалились из собрания. *Тырново, 29 марта.* Народное собрание отсрочило свои занятия до 4 апреля. Рассмотрено 117 статей устава. Статьи о составе будущей палаты переделаны

в том смысле, что все депутаты – выборные, членам по должностям и по назначению не быть. Признана свобода печати и сходов, дружеств, обществ литературных, технических, экономических, политических. Предложение Балабанова и других об учреждении сената отвергнуто единогласно. При этом произошла скандальная сцена. Вследствие каких-то личностей, раздались крики: «Вон Балабанова!» Балабанов оскорбил председательствующего Каравелова. Цанков вмешался. Кончилось тем, что авторы предложения о сенате, всего 12 человек, вышли из залы заседания».

Разве не скучно *не доверять* в глубине сердца даже тем опровержениям, которые являлись позднее? Пусть это дело замяли, вероятно, благодаря *русскому давлению*. Пусть только половина всего этого правда; но и половина эта неутешительна. И если все это клевета, если даже *ничего подобного* не было вовсе, то, должно быть, злой клеветник умен и коротко знаком с духом болгарской интеллигенции. Эта ложь так художественна, так *похожа* на истину! Не выдумаешь чего-нибудь подобного вовсе без основания: *не будет*

похоже. Если бы кто-нибудь прислал теперь телеграмму из Парижа о том, что скромный якобинец Греви действует во всем вопреки духу либеральной конституции, подобно гениальному и бесстрашному юнкеру Бисмарку, кто бы этому поверил? Или кто бы поверил известию из Рима, что итальянское правительство отказалось от папских владений и что король Гумберт «пошел в Каноссу»⁽³⁾?

Нет, эта *ложь* кажется столь близкою к правде тому, кто видел вблизи бедность и грубость мысли и ловкое бесстыдство действий большинства болгарских вождей!

И отчего наши лучшие умы как бы в затмении, когда речь идет о болгарах, об этом бессодержательном и в то же время загадочном народе, *уже раз в своей истории послужившем главным предметом раздора и разрыва между Римом и Византией? Не рок ли это?*

Фанариоты – ведь это что такое? Фанариоты – это *цареградские греки*, духовенство и миряне (в особенности духовенство), это люди, которых даже прямые, личные интересы теснее, чем у кого-либо другого, связаны на

Востоке со строгостью православной дисциплины, со строгостью православных преданий, православных уставов, православных чувств. Вот что такое фанариоты. Царьград – это главный центр Восточного Православия, а фанариоты – греки Царьграда, представители, правители этого центра.

Нет нужды, что они могут быть иногда лукавы или своекорыстны. Ни лукавство, ни своекорыстие личного характера православных убеждений и правильного спиритуализма не исключают. Христианство установлено не для одних мягких, чистых или кротко идеальных натур: оно для всех характеров, для всех натур, для всякого воспитания.

И что за политика – политика какой-то нежной морали? Откуда она взялась? И что мы сами-то за пример? Какие мы моралисты? Фанариоты – консерваторы, мы – либералы; вот и все...

Мы освобождаем болгар...

Прекрасно, освобождайте их *от власти султана, но не от канонических правил повиновения законной церковной власти*. Неужели для нас стало все равно, что шейх-уль-ислам⁽⁴⁾

, что Вселенский патриарх?

Мы дорожим верой нашего народа. Этой верой дорожат даже многие из тех русских, которые сами в церковь молиться не ходят или ходят редко, больше из национального чувства, чем по вере.

Неужели же мы не видим связующей нити? Мужик идет в Оптину пустынь или Тихонову, или в Киев, в Печерскую Лавру, или в Соловки. Что он там мыслит, что видит, чему научается? Откуда все это к нам пришло? Не с Востока ли?.. Не от греков ли? Не в руках ли греков и доньне Иерусалим, Афон, Синай? Не к Царьграду ли, как центру общецерковного влияния и средоточию церковного управления, тяготеют все эти святые места?..

Что может нам дать взамен всего этого величия бессодержательная, зеленая, лишенная серьезных преданий, сама своего глубоко революционного (т. е. *либерально-эгалитарного*) духа не сознающая болгарская народность? У болгар нет святых мест, нет древних церковных средоточий, нет великих неподвижных звезд Православия, разливающих свой свет повсюду, даже и в наше печальное

время жалких прогрессивных надежд и устарелых европейских мечтаний.

Что думать о народе, который возрождение свое начал прямо с борьбы против той церковной иерархии, правила и дух которой легли в основу его жизни, уставы и обычаи которой сохранили его в течение веков под гнетом иноверной власти?

Не успокаивайте себя тем, что этот болгарин в бараньей шапке и коричневых толстых шароварах первобытен и прост: чем грубее и проще в наше время народ, тем легче лукавым и неверующим вождям увлечь его куда угодно.

Католическое духовенство жалуется, что в полудиких, варварских республиках Южной Америки оно гонимо гораздо более, чем в глубоко образованной Европе. Отсталая, сравнительно невежественная Италия легче отступилась от папы, чем более цивилизованная, передовая Франция; в последней были и есть даже республиканцы, не желавшие никогда полного разрыва с Ватиканом.

Прогрессивные идеи грубы, просты и всякому доступны. («Жрецы и воины ведь всегда

обманывали народ». Не правда ли?) Идеи эти казались умными и глубокими, пока были достоянием немногих избранных умов. Люди высокого ума облагораживали их своими блестящими дарованиями; сами же идеи, по сущности своей, не только ошибочны, они, говорю я, грубы и противны. *Благоденствие земное вздор и невозможность; царство равномерной и всеобщей человеческой правды на земле – вздор и даже обидная неправда, обида лучшим. Божественная истина Евангелия земной правды не обещала, свободы юридической не проповедовала, а только нравственную, духовную свободу, доступную и в цепях. Мученики за веру были при турках; при бельгийской конституции едва ли будут и преподобные; разве «во равенстве и свободе юродивые» вроде наших подлых благодетелей, стреляющих из револьверов в генералов. Жалко, скучно и страшно за будущее славянства!*

Бедный князь Черкасский!..

Не знаю, что он в самом деле думал про себя; но давно ли мы читали, что «Славянский комитет будет стараться утвердить в освобождаемой Болгарии дух истинно православный и внушить болгарам отчуждение от пустоты *сербских конституционных замашек*»?

Князь Черкасский был человек диктатуры; он умер в день подписания мира; прошел только год; еще русские войска не вышли из полуразрушенной Турции, а трагический образ восстающей из рабства и крови Болгарии у же успел мгновенно исказиться шутовской гримасой демагогического и парламентского мещанства!

Не того мы ждали: мы ждали от наших младших, наших *свежих братьев примера*; мы думали, что они научат нас, как лучше бороться *против европеизма*... А они сразу перецеголяли Европу. О, как это гадко!

Бедные тени Хомяковых и Киреевских – тени, столь поздно увенчанные *общественным*

признанием и столь скоро обманутые в лучших надеждах своих!..

«Старые» славянофилы воображали себе, что затмение турецкого полумесяца повлечет за собою немедленно яркий восход сияющего православного солнца на христианском Востоке.

Они мечтали о каких-то патриархально освежающих югославянских родниках! Как возвышенны, как благородны были эти мечты! Как упорно сохранились они у немногих, оставшихся *прежними* славянофилами и доныне!

И как ошибочны эти надежды, как призрачен этот яркий, своеобразный культурный идеал! Горькая ошибка наша; поправим ли мы ее?

Как было не понять, что какому-нибудь болгарскому учителю, купцу, доктору, депутату и даже министру из мужиков или лавочников недоступно и нежелательно то, что было так ясно и так желательно Киреевскому, Хомякову и Аксаковым?.. Эти люди были все русские *дворяне*, даровитые, ученые, идеальные, благовоспитанные, тонкие, *европеизмом*

пресыщенные; благородные москвичи, за спиной которых стояли целые века государственного великорусского опыта. То ли может нравиться кое-как или даже и хорошо обучившемуся в Европе пастуху вроде всех этих людей, которых я знаю лично и которых не хочу только называть?

Не то они все чувствуют, *не то, что чувствуем мы!..*

И зато как глубоко, как обидно наше разочарование!.. Как оно горько! И как нам стыдно теперь!.. Я говорю *нам...* Да, нам; потому что и я приехал лет 15 тому назад на Восток учеником, поклонником этого *культурного славянофильства*, долженствующего возрасти и процветать такими пышными цветами на незыблемых и древних корнях Православия.

Но увы!.. Живя в Турции, я скоро понял истинно ужасающую вещь; я понял с ужасом и горем, *что благодаря только туркам* и держится еще многое истинно православное и славянское на Востоке...

Я стал подозревать, что отрицательное действие мусульманского давления, *за неимением лучшего*, спасительно для наших сла-

вянских особенностей и что без турецкого презервативного колпака разрушительное действие либерального европеизма станет сильнее...

Я стал бояться, что мы не сумеем, не сможем, не успеем *вовремя* заменить давление мусульманства другой, более высокой дисциплиной – дисциплиной *духа*, заменить тяжесть жесткого ига суровым внутренним идеалом; унижительный и невольный страх агарянский свободным *страхом Божиим*, о котором сказано. «*Даруй ми по Твоей благодати Твоего страха страшиться...*» И какой же тут «страх Божий» в народе неопытном, незрелом, руководимом вчера лишь вольноотпущенными лакеями, побывавшими кое-где в Европе для того, чтобы перестать содержать посты и разучиться *любить власти*, Богом поставленные? Какой страх Божий в православной нации, которая начинает свою новую историю борьбой против Вселенского патриарха и против принципа епископской власти, – в нации, которую свои демагоги лет 20 подряд учили не слушаться архиереев, изгонять их, оскорблять, не платить им денег?..

Первые впечатления народа, вступающего в политическую жизнь после долгого сна, так важны... (боюсь самому себе досказать свою мысль), быть может, даже неизгладимы...

Я долго прожил в Константинополе и много беседовал там с греками и болгарами.

Я приехал туда в <18>72 году, сознаюсь и *каюсь*, защитником болгар, хотя и грекам во многом сочувствовал; но не прожил я и года в самом центре борьбы, как уже мысли мои изменились... С тех пор они все те же... Тогда только я понял, до чего мне, как и *большинству русских*, был темен, смутен, недоступен этот столь важный и столь страшный греко-болгарский вопрос!

Только тогда, после *этих долгих бесед*, после внимательного чтения, после упорного раздумья я сказал себе: никогда еще в истории России и славянства принцип племенного славизма не вступал в борьбу с православными уставами и преданиями, и в первый раз эту борьбу мы видим в греко-болгарской распре. Истинно национальная политика должна и за пределами своего государства поддерживать не *голое*, так сказать, *племя*, а

те духовные начала, которые связаны с историей племени, с его силой и славой. Политика православного духа должна быть предпочтительнее политике славянской плоти, агитации болгарского «мяса»... Национальное же начало, понятое иначе, вне религии, есть не что иное, как все те же идеи 1789 года, начала всеравенства и всеобщей свободы, те же идеи, надевшие лишь маску мнимой национальности. Национальное начало вне религии не что иное, как начало эгалитарное, либеральное, медленно, но зато верно разрушающее...

И ему необходимо платить горькую дань и с ним надо, к несчастью, считаться; но вовсе не следует служить ему слишком искренно и простодушно.

Панславизм – неизбежность... Но панславизм православный есть спасение, а панславизм либеральный есть гибель *прежде всего для России!*..

Кто панславист умный, дальновидный и хороший, тот должен быть за Церковь, за ее дисциплину, за ее каноны, за епископскую священную власть, за патриарха, за этих ужасных и донныне *льстивых фанариотов*, а

не за болгар, вот уже 20 лет подряд постоянно попадающих в руки своей крайней партии Чомаковых, Цанковых, Славейковых, Каравеловых... Патриарх – это старая Московская Русь; болгарская интеллигенция, за немногими исключениями, – это Гамбетта и Рошфор и разве-разве Вирхов и Тьер, только гораздо жиже и плоше!

Выбор ясен.

Однажды я беседовал долго с одним пожилым болгаринном, человеком образованным и тонкого ума[1]. Он сказал мне с *глазу на глаз* вот что:

– Мы, болгаре, конечно, поступили неправильно, нарушив каноны; но что делать? *Раскол нам выгоден...* Над нами было два завоевания – греческое и турецкое; надо было сперва, с помощью сильнейшего завоевателя, свергнуть слабейшего. Оттого мы соединились с турками против патриарха.

– Я понимаю вас, болгар, – отвечал я, – но нам, русским, нет нужды быть во всем солидарными с вами. Мы даже могли бы объявить вас раскольниками с церковной точки зрения, вместе с тем продолжая защищать вас,

как славян, от турок и от Запада и даже, если нужно, и *от лишних посягательств самого эллинизма*. На Дунае мы помогаем же русским старообрядцам. В такой политике правда сочеталась бы с мудростью.

Одна не мешает другой. Разве мы не могли бы объявить вас раскольниками и воевать за вас, когда придет время?.. Тогда, когда Русская Церковь решится *назвать вас по имени*, как вы того заслуживаете, самый искренний в Православии своем русский в состоянии будет стать за вас, *но только как за славян...* не иначе. Церковь лгать Св<ятому> Духу или игнорировать свои уставы запрещает, а сражаться можно и за иноверцев даже, когда того требуют государственные выгоды, – на это нет канонов... А теперь, как православному человеку, *понявшему* наконец все ваши тайны, *все ваши замыслы и приемы*, как ему быть за вас?.. За вас может быть или незнание, или злонамеренность, или какое-то непостижимое затмение, овладевающее иногда и самыми сильными умами.

Умный старик помолчал немного, потом поглядел на меня с тонкой улыбкой и сказал

доверчиво (я у же заметил, что мы были од-
ни):

– Да. Кто горячий монархист, подобно вам, тот не может сочувствовать болгарскому движению. Это правда. Принцип самодержавия и принцип патриаршей власти – это так тесно связано; это почти одно и то же...

A bon entendeur – salut!^{5}

Примечания

Г. Золотовичем, ныне умершим. – *Примечание К. Н. Леонтьева 1885 г.*

[^^^]

Комментарии

Статья написана в форме писем к главному редактору газеты «Восток» Николаю Николаевичу Дурново.

[^^^]

2

Ис 40:3; Мф 3:3; Мк 1:3; Лк 3:4; Ин 1:23.

[^^^]

3

Каносса – замок в северной Италии, где в 1077 г. низложенный император Генрих IV вымаливал прощение у папы Григория VII. Выражение «пошел в Каноссу» означает идти на унижение.

[^^^]

4

Шейх-уль-ислам – глава мусульманского духовенства, главный истолкователь шариата.

[^^^]

5

A bon entendeur – salut (*франц.*) – имеющий уши, да слышит!

[^^^]